

ИСТОКИ И СОДЕРЖАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ДОСОВЕТСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

В статье анализируется процесс формирования методологической идеологии, определявшей стратегию развития досоветской криминалистики.

В становлении всякой науки этап зарождения и формирования первичных знаний имеет решающее значение. Он во многом определяет дальнейшее развитие знаний. В ранний период становления криминалистики зародились строй мышления и научно-мировоззренческие начала, обозначились научно-познавательная идеология и исследовательская методология. В русле данных координат шли поиск и обустройство координационных и субординационных связей, вызревало понимание предназначенности криминалистики и криминалистического знания, было намечено взаимодействие с иными науками и следственной практикой, укреплялись научно-познавательные предпочтения и приоритеты, крепла убежденность в обладании объективной научной истиной.

Данные суждения, вводящие мысль в архитектуру построения знания в криминалистике, непосредственно связаны с проблемой теоретизации знания в криминалистической методике. Они важны как научно-мировоззренческие и научно-идеологические конструкты, в пространстве которых зарождался образ криминалистической методики. В этом наукообразующем качестве они составляют своеобразную научно-мировоззренческую и научно-познавательную идейную предысторию проблемы теоретизации и качества знаний в криминалистической методике.

Идейная предыстория, как мы полагаем, в известном смысле важнее конкретных позитивных результатов, содержащихся в научных трудах исследователей этапа формирования криминалистики. Знания быстротечны, изменчивы, динамичны. Научно-мировоззренческая и научно-познавательная идеология обладают большей устойчивостью и даже консерватизмом. Именно поэтому мы полагаем более значимым понятие идейное обоснование знания, чем его конкретика.

Предыдейная история, или, что то же самое, методологическая идеология, есть совокупность научно-мировоззренческих и идейно-научных конструктов, существующих в виде идей, взглядов и представлений. Составляя основу научно-мировоззренческого отношения, формирования причинных наукообразующих и научно-познавательных связей, методологическая идеология задает формат концептуализации познаваемого.

Методологическая идеология в криминалистике – это мысль о том, что есть наука криминастика, каково ее место в обществе, в существующей системе наук по борьбе с преступностью, в следственной сфере деятельности. Методологическая идеология инспирирует основополагающие идеи, составляющие идейно-мировоззренческий каркас науки. В своей слитности они и определяют самобытный профиль науки. Методологическая идеология, как доктринальная составляющая познания, есть стратегия науки. Ее заглавная задача при осуществлении научно-познавательной дея-

тельности состоит в том, чтобы задать идейно-мировоззренческую и идейно-научную целостность существующим в данное историческое время взглядам и представлениям о научности, придать единство интеллектуальным исканиям научной истины, показать приоритеты признания научного знания научным сообществом и практикой. Иными словами, это идеология архитекторики криминалистики как науки.

Последовательно и по возможности подробно охарактеризуем методологическую идеологию этапа зарождения научно-криминалистического знания.

Анализ и понимание методологической идеологии сопряжены с рядом объективных трудностей. Их существование обусловлено особенностями формирования базиса науки криминалистики.

Трудности реконструкции методологической идеологии возникают уже в связи с тем, что в трудах криминалистов этапа становления криминалистики нет таких терминов, как «мировоззрение» и «научное мировоззрение», «научная методология» и «естественно-научная методология», «единство и целостность науки и знания». Научное мировоззрение не обособляется, не проблематизируется, его наукообразующая роль еще не осознается в полной мере. Номинальное отсутствие указанных терминов не означает, что исследования выстраивались вне научно-мировоззренческой идеологии и методологии, а научное знание не содержит концепционно значимых методологических конструктов. Особенность состоит в том, что они рассеяны, размыты, подразумеваемы и потому обнаруживаемы лишь в содержательно-смысловом контексте.

Данные предпосылки обусловили глубокую ассимиляцию мировоззрения и научного мировоззрения. Такого рода слияние есть характерная черта становящейся методологической идеологии в криминалистике. Эта особенность возникла в силу того, что неустоявшееся в криминалистике научное мировоззрение не охватывало предметно-содержательное пространство данной науки во всей его целостности. Оно не выходило за границы раздела, названного впоследствии «криминалистической техникой». Возникающие в этой связи пробелы, трудности генерации знаний, их содержательно-концепционное наполнение, придание знанию научно-познавательной и практико-действенной смысловой нагрузки достигались за счет задействования некоторых идей, взглядов и представлений, носителем которых является мировоззрение. Его слияние с научным мировоззрением и задавало параметры общего понимания того, что есть криминастика. Как некое целостное образование, оно активно встраивается в процесс создания и реализации познавательной и практико-деятельностной программ. На основе данного образования намечаются связи криминалистики с ины-

ми науками и обществом, с судебной-следственной практикой, задается канва мыследеятельности.

Взаимодействие мировоззрения и научного мировоззрения по своей сути объективный акт. В известной мере он предопределен несформировавшимся предметом науки криминалистики, неясностью с границами применения заимствованных естественно-научных, технических и правовых знаний и методов. Мировоззрение, в определенных пределах, способствовало разрешению возникающих трудностей как научно-познавательного, так и практико-прикладного характера. Эвристический потенциал научного мировоззрения существенно дополнялся познавательными возможностями мировоззрения. Мировоззрение, компенсируя недостатки и трудности постижения познаваемого в других разделах криминалистики, выступает по отношению к ним, по сути дела, как научное мировоззрение. Таким было фактическое представление криминалистов о научности и ее развертывании в материале.

В этой связи возникает ряд вопросов. Каким было научное мировоззрение пионеров криминалистики? Почему криминалисты не задавались вопросом о нетождественности мировоззрения и научного мировоззрения? Какими были масштаб и глубина влияния данных феноменов на процессы наукообразования и выработки научного знания? Какой в конечном счете была методологическая идеология, определявшая стратегию становления и развития криминалистики?

Нерасчлененность мировоззрения и научного мировоззрения есть примечательный факт становящейся криминалистики, формирования ее методологической идеологии. Значимость и значительность данного факта есть наиболее общий и принципиально значимый вопрос.

Не перегружая изложение материала о роли мировоззрения и научного мировоззрения в научно-познавательной деятельности положениями, акцентируем внимание на наиболее существенных из них, значимых для последующего анализа.

Мировоззрение как форма существования предельно обобщенной картины мира есть базис духовности, базисное основание культуры общества. На основе мировоззрения создаются и разворачиваются духовно-творческая и духовно-практическая деятельностные программы, реализуются программные установки и идеалы. Мировоззрение, будучи продуктом интеллектуальной деятельности, составной частью сознания и мышления, формирует культуру миропонимания, культуру мышления, культуру отношения к познаваемому, культуру приоритетов и ценностей. Основная функция мировоззрения – ориентация человека в мире, в том числе при осуществлении научно-познавательной деятельности.

Исходная особенность мировоззрения состоит в том, что оно само по себе есть мысль о мироустройстве, совокупность идей о мире и его реалиях. Мировоззрение задает формат миропонимания и мироотношения. В пространстве мировоззрения зарождаются, принимают конкретные формы и в последующем реализуются как конструктивные, так и деконструктивные деятельностные программы.

Аксиоматично утверждение, что научное знание сопряжено с научным мировоззрением, им инспирировано. Менее ясна роль и точки взаимосвязи мировоз-

зрения и научного мировоззрения, влияние данной взаимосвязи на вырабатываемое научное знание. Продвижению в данном вопросе способствует констатация не столько имеющихся известных различий, сколько установление сближающих данные феномены свойств. К числу таких свойств относятся прежде всего идеи. Каков он, этот неперемный спутник человеческого искания истины?

Раздвинуть и понять мировоззренческие и научно-мировоззренческие взаимосвязи, масштаб и глубину их слитности и синхронизации возможно только посредством обращения к идеям. Идеи как размышления о чем-либо первичны, они значимы как первоисток движения интеллектуальной мысли. Они обнаруживаются как в мировоззрении, так и в научном мировоззрении. Поэтому понять идею, уяснить ее смысл и статус можно только противопоставив ей другую идею.

Идея переходит границы общепринятого, привычного и устоявшегося. Мировоззренческие и научно-мировоззренческие идеи пересекаются, перетекают, ассимилируются. Весь научно-познавательный опыт криминалистики свидетельствует о существовании такого движения. Преодолевая рубежи традиционности, идея несет в себе смысловое ядро, сообщает некий потенциальный предмет познания и знания, придает интеллектуальным размышлениям столь необходимую в науке преемственность, упорядоченность и конструктивность. Недооценка, переоценка либо вымывание ядра (существа идеи) превращает идею в формальность, фикцию, в спекулятивный инструмент.

Идеи сплачивают, «единят» мировоззрение и научное мировоззрение, составляют всеохватывающую основу данных образований. Ближе к ним, чем идеи, уже ничего нет. Идея есть центр мировоззренческого и научно-мировоззренческого образа, средоточие, к которому все стягивается, вокруг чего все собирается, группируется, упорядочивается; идея есть внутренняя форма, одно из необходимых условий реально достижимой целостности познаваемого. Познание, осуществляемое в границах мировоззрения, и научное знание, вырабатываемое в границах научного мировоззрения, неконсолидированное идеей (комплексом идей), не образует целостности. Идеи увязывают мысли в единое целое и в этом смысле выступают способом, направляющим процесс мышления и, соответственно, процесс познания. Идея есть отношение мысли к сознанию, она показывает, какой представляется познающему субъекту его собственная мысль, она очищает ствол знания от наносного, надуманного. Как наука начинается с проблем, так познавательная деятельность субъекта начинается с идей. Познающий субъект всегда руководствуется идеей. Получаемое научное знание отягощено не только теорией, оно пронизано идеей.

Смыслообразующее и научно-порождающее значение идей многократно возрастает тогда, когда идея истолковывается как конструкт, если под конструктом понимать размышления о путях становления и развития науки и научного знания. Размышления, сопряженные с идеей, легко упрочивают свое преобладание над всеми остальными случайными явлениями, позволяют дистанцироваться от случайных влияний, абстрагироваться от «факторов», воздержаться от правдоподоб-

ных предположений и особых мнений спекулятивного и механистического толка.

Особенность идеи состоит в том, что любая идея, как таковая, сама по себе, научной не является. Вместе с тем она может быть интерпретирована в качестве научной только в контексте принятых коллективным научным мышлением (и поддерживаемых практикой) допущений, оправдывающих ее место в данной предметной области, в данной системе познавательной деятельности.

Идеи отражают то общее, что пронизывает всю систему знания, достигнутого на данном историческом этапе развития науки. В качестве общего оценочного критерия достигнутого уровня знания служит адекватность, т.е. максимальная сопряженность, максимальное соответствие объективного, существующего как осваиваемая предметность, и субъективного, существующего как интеллектуально-мировоззренческая ментальность познающего субъекта, действующего в данных социокультурных условиях.

Идеи относятся к числу тех интеллектуальных инструментов, которые дают понимание знания «изнутри». Идеи – это родовая, онтогенетически исходная сущность сознания и мышления, деятельности и отношений, способ сочленения материального и духовного, научно-творческого искания и созидания научного знания.

Как следует из изложенного, идеи, ввиду содержательной несамоочевидности, в своей сути есть развернутая схема описания существа научно-познавательной деятельности. Принятые и встроенные в научно-познавательный процесс, они вырисовываются, осознаются и реконструируются только в контексте общего познавательного замысла, общего движения интеллектуальной мысли.

Масштаб и глубина ассимиляции и осознанной синхронизации мировоззрения и научного мировоззрения, особенности встроенности и влияния мировоззрения на процесс становления методологической идеологии в криминалистике постижимы в единстве исторической и формально-нормативной методологии. Вопрос о конкретно-предметном и смысловом измерении методологической идеологии лежит в плоскости оптимального реконструктивного механизма. Таким реконструктивным механизмом является, на наш взгляд, движение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. В итоге в поле зрения оказывается направленность научно-познавательных ориентаций и доминирующих предпочтений.

Обозначенный аналитический подход выводит на исторически и логически обозримое предметно-исследовательское пространство, на диалектику соотношения мира вещей и мира идей, понимание смысла и объемности их воплощения в методологической идеологии.

Методологическая идеология, рассматриваемая как носитель научности, генерации и трансформации мыследеятельности, формировала строй мышления, задававший криминалистике известную упорядоченность. Мировоззренческая, научно-мировоззренческая и научно-познавательная целостность и единство достигались ориентацией интеллектуальных размышлений криминалистов на ряд идей.

Анализ трудов первых криминалистов под углом зрения указанного аналитического подхода дает осно-

вания говорить о преимущественной ориентации на такие идеи, как идея активного отношения к социокультурным особенностям исторического времени, идея объективного отношения к познаваемому и идея целесообразного отношения к познаваемому.

Ориентация криминалистов на данные идеи явление не случайное. Никакие идеи не возникают «из ничего», не падают с неба. История человеческого общества – это прежде всего история движения идей. В подтверждение этой мысли повторим вслед за Чезаре Ломброзо: «Глубокие и прочные изменения государственного строя создаются не руками, а идеями» [1. С. 72].

В историко-научных исследованиях подчеркивается, что «в истории ничто не оканчивается вдруг и ничто не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается» [2. Т. 2. С. 635].

Зарождаются новые идеи, но продолжают свое существование и старые, прежние идеи. Сосуществуя, пересекаясь и ассимилируясь, они высвечивают амплитуду интеллектуального движения мысли, наполняемость достигнутых и признанных идей новым содержанием, указывают стык устаревшего и прогрессивного.

Названные выше идеи детерминированы исторически сложившимся образом мировосприятия, бытующим мировоззрением, интеллектуальной ментальностью, судебно-следственным опытом и практикой. Придание им общенаучного смысла в криминалистике объединяет их. Встраиваемые в научно-познавательную деятельность, они образуют единый слитный комплекс, каждая из идей взаимодополняется влиянием другой идеи. Образует весомую часть научно-познавательного механизма, они трудно расчленимы, поскольку пребывают в русле одного общего интереса к проблематике становящейся криминалистики и придания ей научности. Вместе с тем в целях адекватного осмысления масштабности и объемности влияния идей на процесс становления и развития методологической идеологической стратегии их все же необходимо разграничивать. Дифференцированный подход важен для понимания истоков формирования и движения интеллектуальной мысли, предпосылок и условий задействования и движения идей в научно-познавательном процессе, реальных сложностей постижения действительности, динамики и объемности воплощения методологической идеологии в знаниях. Дифференциация идей есть предпосылка и условие понимания целостности и единства методологической идеологии, вызревавшей в потоке истории.

Существо идеи активного отношения и обусловленности познания социокультурными особенностями времени состоит в том, что основы условий и предпосылок научно-познавательной деятельности детерминируются материальными и духовными условиями существования общества; социальные нормативы-регуляторы, коренящиеся в экономических, идеологических политических, правовых, моральных конструктах (идеях, размышлениях), определяют условия выполнения социального заказа наукой, обмена деятельностью между обществом и наукой.

Удовлетворение ожиданий практики в эффективных средствах борьбы с преступностью криминалистическими средствами является общественно одобряемой и в силу этого научно-предпочтительной, престижной деятельностью.

Российское формальное и материальное право, судебная система всегда в целом соответствовали исторически достигнутому уровню духовного развития общества, выстраивались с учетом социокультурных особенностей времени [3]. Однако в кругу многочисленных факторов и обстоятельств, больших и малых социально-исторических процессов, из которых и складывается историческое время, определяющая роль должна быть отведена мировоззрению. Мировоззрение, как центр духовности, задавало и общие параметры правового сознания и правовой культуры, воплощающиеся в законотворческой и правоприменительной деятельности.

В истории права России, российской судебной системы наиболее заметный след оставила судебная реформа 1864 г. Как отмечается некоторыми исследователями, реформа была инспирирована не только текущими социально значимыми событиями, сколько изменениями мировоззренческого характера. Так, американский исследователь истории судебной реформы в России Ричард Уортман отмечает, что в составе судебных учреждений разных уровней появился слой служащих юстиции с обновленным мировоззрением. Исследуя данный феномен, Уортман пишет, что «...служебные документы, мемуары, письма, литературные и философские труды – свидетельствуют об имевшем место в среде чиновников пересмотре целей, ценностей и отношения к служебным обязанностям. ...Личностные факторы, сделавшие возможным усвоение нового отношения к праву и службе, как и культурные влияния, формировавшие новый этнос. Эпоха преобразований сопровождалась переосмыслением политики самодержавия и позволила новым деятелям в системе юстиции разработать реформу, основанную на их собственных принципах» [4. С. 14].

Качественная трансформация мировоззрения была в известной мере подготовлена предшествовавшими изменениями в праве, а именно опубликованием Свода законов Российской империи.

Так, Яков Иванович Баршев, известный отечественный процессуалист, обрисовывая общественно-духовную атмосферу и интеллектуальный подъем, вызванные этим событием, писал: «С обнародованием Свода отечественных законов и с преобразованием в Университетах юридического факультета, со всею силою и жизнью развилась в нашем отечестве юридическая деятельность. Молодые университетские слушатели с ревностью принимают истинные начала науки; практики требуют твердых, положительных правил в полном объеме и системе; просвещенная публика охотно следит за успехами отечественного правоведения и с признательностью встречает произведения и труды наших юристов» [5. С. 3].

Вдохновляющим началом, сближающим мировоззрение «просвещенной публики», ученых-юристов и практиков, служила идея гуманизации. Охватившая устроения, она демонстрировала, какой значительной объединяющей силой обладает мировоззрение. Гуманизм, утверждавший честь и достоинство в качестве идеалов, рождал новую интеллектуальную и духовную энергию, новое миропонимание, мировоззренчески новое отношение к человеку. Идея гуманизации есть подлинный нерв уголовного судопроизводства, формального и материального права. Ее оценка в фор-

мате исторической методологии есть показатель движения к новому знанию. Идея гуманизации, прошедшая долгий и мучительный путь к широкому признанию и реальному воплощению в праве, есть подлинная естественная история уголовного судопроизводства, формального и материального права. Общественное благо, которое несла с собой судебная реформа, позволяет усматривать в ней не кампанию, а событие. Мировоззрение, лишенное социально-позитивных масштабных амбиций, рассчитано на приземленность, на обустройство лишь горизонтальных связей, их некоторого количества. Иной была судебная реформа 1864 г.

Судебная реформа 1864 г. окончательно отвергла физические пытки и насилие над личностью преступника, прогрессивная мысль вытеснила формальную истину, открыв предварительному и судебному следствию пути для появления новых форм и способов получения доказательств и доказывания вины. Общество и наука, ученые и практики пытались уловить эти жизненно значимые движения идеи гуманизации и воплотить их в праве и уголовном судопроизводстве. Выстраиваемые на уважительном отношении к чести и достоинству обвиняемого и подсудимого, они находили живой отклик во всех слоях общества.

Вместе с тем как среди ученых, так и среди практиков нарастало и крепло ощущение неудовлетворенности общим состоянием расследования, его низким качественным уровнем. О том, что судебно-следственная практика была предельно заполнена большими и малыми проблемами, свидетельствует мнение современника. Так, некто К.Н. Скворцов, характеризуя условия деятельности судебного следователя, «этой альфы уголовного процесса», писал: «Если принять за нормальное поступление в некоторых округах Московских по 6 или 10 дел в месяц на судебного следователя и в некоторых Казанских по 35 дел, или вернее, взять среднюю нормою поступление 20 дел в месяц и вычесть из него праздники, нужные даже не для отдыха следователя, а лишь для формировки и направления законченных следствий и текущих бумаг, – то приходится почти по одному дню на дело. Если же принять в расчет, что в числе этих дел попадет одно, а то и два об убийстве или разбое, два, а то и три сложных дела по преступлениям должности с учетами цифр, сличениями почерков, несколько судебно-медицинских осмотров и вскрытий тел, требующих иногда оттаяния или химико-микроскопического исследования, и других следственных действий, связанных с потерей времени на сношение, переписку, подготовку и т.п., – то исключая эти дела, требующие напряженной и продолжительной работы, придется оставить на остальные, менее сложные, каких-нибудь 5–6 дней, не более, т.е. распределить по 2 или по 3 дела на день с соблюдением при этом экономии во времени, пропадающем в переездах из деревни в деревню. ...Такова работа неутомимого, одинокого, остающегося всегда в тени судебного следователя. Таковы его скорби...» [6].

В редакционном предисловии к одной из работ яркого отечественного процессуалиста П.П. Макалинского с горечью констатировалось, что «постоянное прогрессивное падение следственной части, без сомнения, ни для кого не новость; но только лица, постоянно

имеющие практическое дело с предварительными следствиями, знают, до каких крайних пределов упала следственная часть. Прежние следователи и участковые товарищи прокуроров, одушевленные живейшим интересом и любовью к своему делу, теперь уже почти перевелись; учиться молодежи не у кого, практической школы для них нет; мало-мальски удовлетворительный следователь представляется едва ли не редким исключением, а об энергической деятельности и сознательном отношении к своим правам и обязанностям почти не приходится говорить. Большинство следователей терпимо разве только за неимением лучшего; незнание дела, апатия, формальное отношение к своим обязанностям и крайняя небрежность во всех отношениях – составляют обычное явление, мало кого поражающее. ...Падение следственной части служит лишь показателем упадка вообще всей судебной части. Исправить этот недостаток можно только или новыми людьми, или же новым направлением, новым духом, подобным тому, который при первоначальном введении судебной реформы охватил всех новых судебных деятелей, а отнюдь не подробными правилами, пережевывающими то, что сказано в общих чертах в уставе уголовного судопроизводства» [7. С. 35–36].

Значительно позднее, в 1915 г., С.Н. Трегубов, как и его коллеги-процессуалисты, озабоченный общим состоянием в практической сфере, писал: «Не проходит дня, чтобы в том или другом суде при расследовании дела не раздавались жалобы сторон, присяжных заседателей и судей на небрежное или неумелое отношение следователей к вещественным доказательствам...» [8. С. 12].

В этих оценках современников звучит не только недовольство по поводу неудовлетворительного состоянием следственной практики, общего упадка следственной части, но и нарастающая неудовлетворенность оснащения следственного корпуса достойными данной деятельности научными знаниями.

Приведенные выдержки из работ современников если и с неисчерпывающей полнотой, но тем не менее приоткрывают некоторые социокультурные особенности исторического времени.

Главная из них, системообразующая, заключается в резком снижении внимания со стороны государства к состоянию судебно-следственной деятельности. В результате в судебно-следственном корпусе стали угрожающе нарастать формализм, небрежность и апатия. Ганс Гросс не без оснований писал: «То государство, которое для борьбы с преступностью, непрерывно прогрессирующим в отношении утонченности приемов и образовательного уровня своих деятелей, выдвигает судей, обладающих обыкновенным или, может быть, выдающимся научным юридическим образованием, но в то же время не имеющих специальной, необходимой подготовки, – неправильно понимают свои задачи. Такое государство, обнаруживая слабость в борьбе с преступлением, проявляет пренебрежение к своему долгу в отношении к честным гражданам, которые, без сомнения, вправе требовать, чтобы эта борьба велась при помощи всех средств, даваемых человеку знанием и искусством. Добро должно восторжествовать во что бы то ни стало, а это может быть достигнуто только при помощи превосходно подготовленного «генерального штаба» [9. С. 12–13].

Другая особенность в развитии уголовного судопроизводства состоит в том, что судебная реформа выводила данную сферу деятельности на качественно иной уровень. Повышение требований к качеству доказательств и доказыванию вины обвиняемого указывало на необходимость оснащения следственного корпуса знаниями, адекватными возросшему уровню требований закона. Понимание того, что знаний только формального и материального права явно недостаточно для полноценного расследования, нарастало. Бесконечное кружение вокруг «правил», их комментирование и «пережевывание» не давало новых знаний. «Правила», предписывающие следователю «как действовать», носили односторонний характер.

Как отмечал Ганс Гросс, «каким способом мы можем изыскать те или другие доказательства, как дойти до них, как их охранить и как их использовать, – все это настолько же важно, как важен и тот результат, которого мы достигаем отправлением правосудия» [10. С. 11].

Формализованные «правила» при самом добросовестном и основательном комментировании и их применении следователем не охватывали всей реально существующей разнохарактерной объемности преступления и расследования. Известная часть реалий оставалась недоступной ни формальному, ни материальному праву.

За всю многовековую историю существования ни формальное, ни материальное право, при всех их несомненных достоинствах и значительности, не выработали и не привнесли в содержание расследования, в профессиональный инструментарий следователя ни одной научной истины, ни одного положения, ни одного метода, повышающего уровень раскрываемости преступлений.

Реальная угроза общественной безопасности, уголовного судопроизводства, опасность развала судебно-следственного корпуса приобретали масштабную реальность. Следователь – «альфа» уголовного судопроизводства, «генеральный штаб» расследования – остался где-то в тени судебной реформы, в одиночестве со своими большими и малыми, но всегда злободневными вопросами, поскольку от их разрешения напрямую зависел успех расследования преступлений и в конечном итоге успех деятельности самого суда, который должен быть «скорым и правым». Но как этого достичь, если профессиональные знания о расследовании развивались лишь в одном направлении?

Подчеркивая односторонность развития знаний о расследовании преступлений и значимость утраты пытки, А. Квачевский писал: «...нельзя не заметить, что следственная часть у нас, не имеющая литературной разработки, свою практику нередко обличает патриархальность: на ней лежит печать старых нравов и преданий, отрешиться от которых молодому поколению предстоит много труда; ему нужно много борьбы с различными затруднениями в предрассудках самого общества, порожденных долговременным господством системы физических и нравственных пыток, такого следственного снаряда, которым все рубилось с плеча» [11. С. 37].

Другой отечественный процессуалист, В.Д. Спасович, оценивая ситуацию с доказыванием и с доказательствами, констатирует, что вся существовавшая ранее система доказательств предполагала пытку, «пытка ее главный нерв, без пыток она немислима. ...С отменой

пытки вся система уголовных доказательств пошатнулась. После падения главного столба, поддерживавшего эту систему, остались только два других, далеко не столь благонадежных: свидетельские показания и улики; собственное же признание, не вынуждаемое пыткой, сделалось редким исключением. Образовавшиеся от этой перемены пробелы в законодательстве были пополняемы, но без радикальных преобразований самой системы доказательств» [12. С. 22–23]. Уголовное судопроизводство, лишившись главного способа получения показаний от обвиняемого – физической пытки, по существу, само оказалось в состоянии кризиса. Пытку необходимо было чем-то заменить.

Ощущение неудовлетворенности ученых и практиков имеющимся объемом знаний о расследовании преступлений инспирировало необходимость поиска выхода из создавшегося положения. В своих трудах процессуалисты все чаще затрагивают такие вопросы, которые явно не свойственны ни формальному, ни материальному праву. Выходя за пределы нормативно выстроенной формальной модели расследования преступлений, они не вписывались в жестко выстроенную систему нормативных предписаний. Их научно-познавательное и практическое значение было сомнительным. Так, Б.Л. Бразоль, излагая свое мнение об осмотре места происшествия, выводит результаты своих наблюдений сразу на уровень методологии осмотра места происшествия. При этом он отмечает, что методология осмотра места происшествия «намечает лишь некоторые презумпции, основанные на опыте и вытекающие из следственной практики. Последняя же является символом бесконечного разнообразия, бесконечных сплетений жизненных факторов и фактов, как разнообразна и сложна сама жизнь. А жизнь не может быть замкнута в рамки схемы, потому что логическая схема всегда прямолинейна, всегда отмеривает прямые углы там, где природа закручивает неожиданную спираль или рисует причудливые арабески» [13. С. 114]. Имея в виду допрос, Б.Л. Бразоль, поясняя, на чем строится успех данного следственного действия, пишет, что «...при первоначальных распросах многое зависит от личного такта или, так сказать, верхнего чутья следователя» [13. С. 98].

Уже названный Я.И. Баршев, обращаясь к следователю с рекомендациями (правилами, как он их называет), настоятельно советовал, чтобы следователь, организуя расследование, сообразовывал логику мышления и действий, руководствуясь «...самыми обстоятельствами, и иногда вследствие скорой перемены в них, избирать более сообразные действия, в которых настает наибольшая необходимость, иногда он должен начинать с исследования состава преступления, иногда следить наперед вероятного виновника преступления, иногда предпринимать вместе действия, служащие для того и другого, иногда братья то за то, то за другое» [5. С. 86–87].

Такого рода правила, как результат самых общих представлений о расследовании преступлений, не могли кардинально поправить положение, но они, по крайней мере, привлекали внимание к тем сложностям, с какими приходилось сталкиваться следователю.

Криминалистика пришла в российское уголовное судопроизводство вместе с идеей гуманизации. Полу-

чившая широкое признание в странах Западной Европы, она нашла живой отклик и в России. Отражая прогрессивный мировоззренческий настрой отечественных юристов, она активно встраивалась в систему российского уголовного судопроизводства. Под несомненным влиянием криминалистики меняется строй мышления, формируется иное представление о доказательствах и объективно-содержательной стороне доказывания.

Е.Ф. Буринский отмечает, что истина, опосредуемая судебными доказательствами, открывается тогда, «когда между нашими идеями и фактами, которые мы желаем познать, существует соответствие, к достижению такого соответствия наших представлений с действительностью направляется, между прочим, и деятельность суда, вечным стремлением которого является отыскание истины. Правда, одна голая правда – таково основное и конечное требование справедливости. ...Насколько, однако, указанное стремление к правде труднодостижимо, свидетельствуют многоразличные формы суда, сменявшиеся в истории приемы исследования, которые измышлялись человеческим умом для обнаружения истины. В виде примера можно указать, с одной стороны, на так называемые ордалии, суды Божии, испытание стихийными силами, судебный бой, а с другой – на пытку со всеми ужасами святой инквизиции. К счастью, мы живем в такое время, когда о подобных способах исследования приходится говорить, оглядываясь назад. В наше время провозглашен суд по совести, по внутреннему убеждению, основанному на изучении обстоятельств дела, суд, в котором обвиняемый не служит предметом исследования, а является лицом, которому предоставлено право защищаться. Самое изучение дела на суде должно быть вооружено строгими приемами научного точного исследования данной области» [14. С. 60–61].

Б.Л. Бразоль, характеризуя криминалистику и обосновывая необходимость ее включения в российское уголовное судопроизводство, писал, что «прогрессивный рост профессиональной преступности и самая утонченность методов преступления составляют такой неоспоримый факт в криминалистике нашего времени, что с ним нельзя не считаться. ...Недостатки нашего предварительного следствия... заключаются не столько в самом устройстве следственной части, сколько в неудовлетворительной постановке розыска и технической стороны следственных приемов... способов раскрытия преступлений и обнаружения виновных. Практика некоторых западноевропейских государств показала, что надежным в этом отношении подспорьем могут стать правильно использованные методы физических и биологических наук, как, например, широкое применение общей и метрической фотографии при изучении места совершения преступления, дактилоскопия и антропология – при регистрации преступников, микрохимический и фотомеханический анализы – при исследовании подложных документов... Основанная на этих методах судебная экспертиза перестает быть делом случайных взглядов того или иного эксперта и приобретает значение бесспорного доказательства, могущего лечь в основу судебного приговора» [13. С. 66–67].

В работе немецкого криминалиста А. Вейнгарта отмечается, что «широкий прогресс естественных наук и

громадный рост технических усовершенствований открыли новые горизонты. ...Раскрытие преступлений, на которое многие до сих пор еще склонны смотреть как на ремесло, требующее некоторого опыта и умения составлять протоколы, а другие как на искусство, зависящее от способностей отдельных лиц, в действительности является самостоятельной наукой, требующей серьезной подготовки, много теоретических и практических знаний и точного методического изучения фактов» [15. С. 3].

Становящаяся криминалистика, при всем своем несовершенстве, привнесла подлинно научные приемы и средства исследования доказательств, раскрытия и расследования преступлений. Уголовное судопроизводство после многовекового существования пытки вступило на мировоззренчески новый – научно-мировоз-

зренческий рубеж развития, и вклад криминалистики в это новое движение не подлежит сомнению.

Таким образом, связь криминалистики с социокультурными особенностями времени опосредовалась на раннем этапе, прежде всего, мировоззрением, сыгравшим исключительно важную роль в утверждении и общественном признании криминалистики как науки.

В ареале общественного мировоззрения формировались и укреплялись научно-криминалистические основоположения, обустроивался иной формат понимания процесса раскрытия и расследования преступлений, вызревали новые системы оценок обоснованности рационально осваиваемой уголовным судопроизводством объективной истины, кардинально изменившиеся с приходом криминалистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломброзо Ч., Ляски Р. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке. СПб., 2003. С. 72.
2. Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Т. 2. С. 635.
3. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.
4. Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 14.
5. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 3.
6. Скворцов К.Н. Скорби судебного следователя // ЖМЮ. 1895. № 6, апр. С. 99–100, 124; Левенстим Н.А. Предварительное следствие по судебным уставам его недостатки и меры к улучшению. С. 105–111; Хрулев Сергей. Суды и судебные порядки: Очерки // Юрид. вестн. 1884. Сент. С. 90–143.
7. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб., 1901. Ч. 1. С. 35–36.
8. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений. М., 2002. С. 12.
9. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Новое изд. Перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 12–13.
10. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном изследовании преступлений по судебным уставам 1864 г.: Теоретическое и практическое руководство. О предварительном следствии. СПб., 1869. Вып. 1, ч. 3. С. 37.
12. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. С. 21–22.
13. Бразоль Б.Л. Очерки по следственной части: История. Практика. Пг., 1916. С. 114.
14. Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. М., 2002. С. 60–61.
15. Вейнгарт А. Уголовная тактика: Руководство к расследованию преступлений. СПб., 1912. С. 3.

Статья представлена научной редакцией «Право» 3 сентября 2007 г.